

Крит XIX века в русской дипломатии*

Валерия Занина

На протяжении XIX в. Крит, входивший в состав Османской империи, являлся предметом отдельного внимания и беспокойства мирового сообщества ввиду своего геополитического значения в региональном противостоянии великих держав: Российской, Османской и Британской империй. Спустя два столетия, в XXI в., Крит вновь оказался вовлеченным в противоборство международных интересов в Средиземноморье.

С возвращением в мировую политику России постоянное присутствие российского военно-морского флота в Средиземноморье, как следует из заявлений руководства страны и представителей Минобороны России, стало одним из приоритетов внешней политики, нацеленной на обеспечение национальных интересов в регионе, поддержание международной стабильности, гарантий неприменения силы в отношении стран региона при урегулировании конфликтов, а также

безопасности морских торговых путей, в том числе в прилегающих районах Мирового океана.

В свою очередь, сильный Черноморский флот задавал тон внешней политике России, направленной на распространение своего влияния в Восточном Средиземноморье. Усиление дипломатического присутствия обеспечивалось открытием новых консульств, в том числе русского консульства на Крите (впервые открыто в 1785 г.).

ЗАНИНА Валерия Александровна – третий секретарь, МИД России, в 2008-2009 гг. – атташе Посольства России в Греции. *E-mail:* VPolyanina@yandex.ru

Ключевые слова: русское консульство на Крите, политика Османской империи на Крите, суды, критские восстания, русский флот, Средиземноморье.

* В качестве основы для исследования были использованы консульские донесения XIX – начала XX в., записки русских имперских консулов, направляемые в Азиатский департамент МИД Российской империи, личные воспоминания дипломатов, служивших на Крите, а также данные, полученные из Архива императорского русского консульства на Крите.

Как следует из донесений русских дипломатов XIX в., турецкий генерал-губернатор (вали), стоявший во главе управления островом и назначаемый Портой, являлся исходной и конечной точкой всей администрации османской провинции Крит. Объем его полномочий не определялся даже приблизительно, и управление провинцией, сносное или невыносимое, было в прямой зависимости от его индивидуальных качеств. В его бесконтрольном ведении находились вопросы, связанные с арестом, ссылкой, наказанием без суда и следствия (до смертной казни включительно), полным прощением или смягчением наказания, распределением налогов, податей и повинностей, управлением городской и сельской полицией, путями сообщения и общественными учреждениями, распределением войск и постоев¹. Власть паши распространялась на основные крупные округа острова (или санджаки*): Канею (Ханью), Сфакию, Ретимо, Кандию (Ираклион) и Лассити. Население острова разделялось на две группы – прибрежную (северная часть) и внутреннюю (горная).

Первая группа сосредоточивалась вокруг своих главных административных и торговых центров – Канеи, Ретимо и Кандии. Эти основные портовые пункты, связанные с экспортом, привлекали наибольшее количество приезжих из других частей

Крита, поэтому именно здесь, в Канеи, располагалось русское консульство, а в Ретимо находилось подотчетное ему агентство.

Из воспоминаний русского дипломата, публициста К.Н.Леонтьева, состоявшего на службе в консульстве на Крите (1863 г.), следует, что Канея была своего рода *la colonie euro-peenne*** с основной массой купцов, врачей, европейских шкиперов и чиновников². В «местной Европе» веяли консульские флаги всех держав, но к середине XIX века постоянными резиденциями располагали русский консул (в Канеи, на побережье) и английский консул (в центре села Халеппа около Кандии)³, что свидетельствовало о значимости острова для внешней политики и торговли обеих великих держав.

Кандия и Ретимо имели своих городских глав (каймакамов***), назначавшихся непосредственно Портой, но подчинявшихся губернатору острова. Вали служил апелляционной инстанцией для всех судебных решений, не исключая и постановлений каймакамов. Наличие действовавшего суда – мехкеме, единственно признаваемого на основании османских законов общеоттоманского суда, возглавляемого кадием или муллой и руководствовавшегося исключительно нормами шариата, никак не ограничивало власти вали, так как имело мало отношения к основной массе населения – христианам****, которым изначально было

* Санджак – историческое значение административной единицы в Османской империи (тур.).

** Колония европейцев (фр.).

*** Каймакам – уездный начальник (тур.).

**** По данным 1821 г., сведениям английских путешественников (1834 г.) и французского консула Хитиера, в 1847 г. общее население Крита составляло 129 000–160 000 чел., из них 40 000 мусульман.

отказано в равноправии с мусульманским населением.

Как следует из донесения состоящего при русском политическом агентстве в Софии Ю. Абега, побывавшего на Крите, с момента установления османского правления на острове начался произвол. Население было низведено до состояния *rei nullius*^{*}, которая, переходя из рук в руки, становилась собственностью каждого, с которой каждый рвал, что мог, соблюдая лишь последовательность: паша начинал насилия, а заканчивал их последний из мусульман¹.

Все христиане были обложены подушным налогом – хараджем. Им был открыт доступ в войско и администрацию лишь при условии перехода в ислам. Выезд за пределы острова был запрещен, а отлучка на работы (повлю рыбы, губок) облагалась налогом.

Браки критян могли заключаться лишь с разрешения турецкой администрации.

Ущемление прав христианского населения привело к неудачным восстаниям 1821 и 1828 гг., после чего Крит (в отличие от Греции, получившей независимость) оказался под правлением египетского вице-короля Мехмета-Али.

По мнению дипломата, Крит был передан Портой под управление вассальной египетской администрации в качестве вознаграждения Египту за помощь в подавлении критских восстаний.

Постоянное недовольство критского населения (особенно после официального провозглашения независимости континентальной Греции по условиям Лондонского протокола 1830 г.) заставило турецкие власти задуматься над способом его устранения или сведения к минимуму, так

как стало очевидно, что восстания будут продолжаться до полного отделения Крита от Османской империи и его присоединения к Греции.

Однако вместо того чтобы кардинальным способом пересмотреть свою политику на острове, турки временно переложили ответственность на египетского вассала. Египтяне взяли за наведение относительно порядка на острове. Помимо строительства дорог и акведуков при вице-короле были учреждены административно-судебные инстанции-меджлисы, действовавшие в Канее, Кандии и Ретимо, в которых, несмотря на то что они состояли из христиан и мусульман (что уже являлось прогрессом), участие первых было незначительным.

В меджлисе Канеи на шесть христиан приходилось девять мусульман. При этом председатель меджлиса (всегда мусульманин), мулла, секретарь меджлиса и муфтий, которые, будучи направленными на Крит из Константинополя, владели только турецким языком, в то время как все остальные члены (как христиане, так и мусульмане Крита) знали лишь греческий.

Канейский православный епископ, который формально должен был присутствовать на заседаниях, играл самую незначительную роль, так как все дела решались на основании норм шариата.

Права и обязанности, подсудность и судебная процедура, не определенные никаким уставом, полностью зависели от усмотрения председателя.

Что касается поступления дел в суды, то оно могло состояться только с согласия вали (губернатора). При таких условиях, поскольку христиане являлись, как правило, пострадавшей стороной, рассчитывать на объективное рассмотрение дел не приходилось.

^{*} Ничья вещь (лат.)

Стоит отметить, что чуть ли не единственной областью жизни православных критян, в которую, согласно льготам, издавна дарованным иноверцам султанами, турецкие власти предпочитали не вмешиваться, являлись семейные дела христиан. В таких случаях судьей и арбитром являлся митрополит или епископ, а паша служил только исполнительной силой по его указанию⁴.

Но даже незначительные видимые подвижки в социально-экономической сфере не могли изменить саму систему управления в Османской империи, направленной на консолидацию власти в руках губернатора, который ввиду удаленности от столицы – Стамбула*, оставался единственной инстанцией в решении всех вопросов относительно вверенной ему провинции.

В этом заключалось основное противоречие между внутренней политикой Порты (способствовавшей дестабилизации региона) и ее внешнеполитическими задачами (направленными на сохранение влияния Османской империи в Средиземноморье и на Балканах).

С геополитической точки зрения Крит являлся крайне важным форпостом Средиземноморья, обеспечивающим контроль Османской империи над ее восточными провинциями и флотом европейских держав на подходах к Босфору. Опасения потерять власть над островом стали причиной ужесточения форм правления и без того далеких от либеральных.

Пожалуй, исключение на общем фоне турецкого присутствия на Крите

составляло правление Мустафы-паши, назначенного губернатором на Крит в 1840 г. (после вооруженного конфликта между Турцией и Египтом, в результате которого Крит был возвращен под власть турецкого правительства), хотя он и ограничился лишь устранением наиболее негативных установлений прежних правлений.

Права христиан и мусульман были до некоторой степени уравнинены, произвольные сборы и принудительные работы на местных беев были отменены, имущество и личность христиан находили правовую защиту. Одним словом, с этого времени для критян открывалась возможность жить и работать¹. Экономически результаты преобразований выразились в поднятии цен на земельную собственность, увеличении вывоза товаров с Крита. Остров стал привлекать иностранные капиталы. Но даже и это видимое благополучие оказалось недолгим.

Несмотря на оттенок гуманизма, благие намерения губернатора были продиктованы прежде всего экономическими выгодами от получения стабильного дохода с острова в государственную казну, заставлявшими искать к жителям особый подход. Губернатор не оставил после себя ни одного полезного учреждения и не издал ни одного жизнеспособного закона.

Порядок широко практикуемого при нем коммерческого суда – тиджарета**, пользовавшегося популярно-

* В русских консульских донесениях XIX в. Стамбул по традиции именовался Константинополем.

** Тиджарет – торговля, коммерция (тур.). В основе этого суда, действовавшего в Кане, Кандии и Ретимо, лежал значительно суженный и искаженный свод французских коммерческих постановлений.

стью у христианского населения, поскольку для участия в нем (помимо двух мусульманских членов, двух христианских и председателя-мусульманина), допускались иностранные консулы независимо от национальности судившихся сторон, в правление следующего вали был изменен и консульские делегаты вызывались лишь тогда, когда одна из сторон имела иностранное подданство.

Принимая во внимание, что русских подданных на острове было немного, помощь русской стороны являлась чуть ли не единственным шансом для греков выиграть дело. Это отвечало интересам и общим задачам русских дипломатов, так как позволяло наглядно продемонстрировать мощь и силу представляемой ими державы*, распространяя и усиливая таким образом влияние на критян.

Характеризуя правление Мустафы-паши, Ю. Аббег отмечал, что за внешней стороной эффективности управления, по сути, сама структура власти не только не изменилась, но и приобрела еще большие полномочия.

С 40-х годов XIX в. в системе судопроизводства на Крите наблюдалась масса злоупотреблений, вызванных расширением сферы деятельности мусульманского суда мекхеме.

С 1850 г. мекхеме были подчинены мулле, назначавшемся ежегодно из Константинополя и находившемся в Кане. Мулла и кадий являлись краеугольными камнями судебной системы Крита, используя нормы шариата как основу судебных решений, имея огромное

влияние в меджлисах (сочетавших функции судебной и представительской власти), где состояли неизменными членами при поддержке подавляющего мусульманского большинства¹.

Что касается самих меджлисов, то раньше их члены получали жалование из денег, собираемых с этой целью со всех жителей округа, теперь же они получали жалование из казны, что ставило этот орган в прямую зависимость от центральной власти.

Кроме того, злоупотребления происходили и со стороны самого губернатора, который принимал непосредственное участие в дележе прибыли с судебных пошлин.

Несправедливость в судопроизводстве привела к восстанию 1858 г., результатом которого стало уменьшение злоупотреблений власти и учреждение демогеронтий, или муниципальных советов, занимавшихся делами опеки и наследства. Поскольку принятые советом решения имели силу только с согласия муллы, то принцип зависимости сохранялся.

Неограниченная власть губернаторов затрагивала и внешнеполитические вопросы.

Так, решение о возобновлении деятельности русской консульской миссии на Крите после Крымской войны (1853–1856 гг.) было принято в большей степени исходя из личной мотивации вали. Воспользовавшись отсутствием на острове русских дипломатов, французский консул совместно с представителем католической церкви начал активную пропаганду среди местного населения по обращению православных греков Крита

* В 30-е годы XIX в., вплоть до начала Крымской войны, Россия находилась в зените своей славы и величия в регионе Средиземноморья, осуществляя протекторат над Османской империей по условиям Ункяр-Искелесийского договора от 8 июля 1833 г.

в католичество. Взамен французы обещали покровительство и защиту Франции от произвола султанской власти. В глазах греков довод более чем весомый.

Восстание 1859 г., ознаменовавшееся временным успехом католической пропаганды, подвигло губернатора Крита Халиль-пашу на контрмеры и заставило обратиться к русскому консулу на о. Сира (Санторини) с предложением о возобновлении работы русского консульства на Крите*.

Идея использовать православие как связующее и объединяющее русских с христианскими народами Османской империи звено (помимо греков, с болгарами и сербами) пришла очень кстати, учитывая, что после поражения в Крымской кампании других способов сохранить влияние на критское население у России тогда не было.

Таким образом, определился характер деятельности русских консулов, которая должна была осуществляться по двум направлениям:

– *во-первых*, хорошо знать, что делается и даже думается в стране, и вовремя сообщать об этом;

– *во-вторых*, держать себя в стране так, чтобы помнили, что есть на свете Россия, единоверная христианам.

Достижению обеих целей способствовали многочисленные обращения греков в русское консульство, содержащие в основном жалобы на

турецкий произвол в той или иной сфере.

Общая же политика России после Парижского мира** заключалась в том, чтобы поддерживать и защищать гражданские права христиан и усмирять, насколько возможно, естественный пыл их политических стремлений⁵. Очередное полномасштабное восстание на Крите могло привести не только к ослаблению Османской империи (что Россию вполне устраивало), но и к более серьезным последствиям – ее распаду, так как по всей вероятности повлекло бы за собой восстания в других христианских провинциях на Балканском полуострове. Такой сценарий развития событий после Крымской войны был не в интересах России, так как «международная блокада» русского Черноморского флота на время устраняла Россию из борьбы великих держав за влияние в регионе Средиземноморья.

Подобная перспектива также не устраивала самих турок. Из-за значительного «христианского элемента», являющегося постоянным очагом беспокойства на острове, а также давления на турецкое правительство извне, турецкие власти в 60-х – 70-х годах XIX в. вынуждены были лавировать, периодически идя на ряд уступок в виде реформ, закрепленных, в частности, в Органическом уставе Крита 1867 г. Из гуманистических соображений это было верное решение, но с точки зрения

* В 1861 г. русским консулом на Крит был назначен С.И.Дендрино.

** Парижский мир заключен в 1856 г. по итогам Крымской войны. По условиям договора Россия лишалась права базировать и снаряжать Черноморский флот, что являлось основным препятствием для продвижения русских интересов в регионе Балкан и Средиземноморья.

сохранения влияния Османской империи – губительное, так как с этого момента участие иностранных держав в делах империи увеличивалось в геометрической прогрессии.

Полномочия и власть иностранных консулов, представителей западных держав на Крите значительно возросли, судебная власть Порты над иностранными подданными держав практически не признавалась.

По мнению русских дипломатов, причина была не только в том, что в Османской империи судебные дела разбирались по законам шариата, но и в слабости Турции, вынужденной вести дела с европейцами, не позволявшими ей отстаивать свои права на равенство с христианскими державами⁵. Но если даже турки и стремились сохранить Крит в составе империи, то для достижения этой цели желательно было бы вообще не доводить ситуацию на острове до необходимости менять порядок управления. Взяв же на себя обязательства по реформированию, целесообразно было бы им следовать, чего османские наместники делать категорически не хотели. В результате автономность местной турецкой администрации имела негативные последствия как для самих представителей власти на острове, так и для Османской империи в целом.

По мнению русского консула на Крите А.Е.Лаговского, в 1869–1878 гг. имевшего тесный контакт с обоими губернаторами острова Реуфпашой и Самих-пашой, интриги между турецкими губернаторами на Крите и турецкой правительственной верхушкой в Константинополе привели к тому, что первые да-же не утруж-

дали себя выполнением инструкций из столицы по руководству островом. Даже указы султана порой оставались без внимания.

Присутствуя на открытии критского народного собрания (август 1875 г.), консул отмечал, что речь Самих-паши, с которой он выступил по этому случаю, обличала его благие намерения, но он «до сих пор не оправдал надежд критян и, как видно, подобно своим предшественникам, подчинился неограниченному величию окружающего его мира»⁶.

Крайне неудовлетворительная социально-политическая ситуация привела остров в состояние перманентного очага недовольства населения политикой империи и стала причиной постоянных восстаний. В том, что Крит со временем перестал быть частью Османской империи, как и ряд других провинций, безусловно, есть и заслуга индивидуального правления османских губернаторов и попустительской политики Константинополя, приведшей к развалу империи.

О собые надежды, возлагаемые критянами на Россию, были связаны с жившей в народе памятью о протянутой русскими руке помощи угнетенным славянам*. В разговорах о современном положении Крита дипломатам часто приходилось убеждать, что критяне с доверием относились к вводимым и обещанным реформам главным образом потому, что их гарантом выступала Россия. Отказ губернаторов выполнять обязательства породил и новую волну массовых волнений, которые помимо выдвижения новых, более жестких требований, могли стать по-

* Имеется в виду восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и Болгарии в 1877 г., ставшее поводом к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

водом к вмешательству так называемого миротворческого контингента иностранных держав, в том числе России – гарантов безопасности христианского населения Турции, не говоря уж о потерях Турции в экономическом эквиваленте.

По условиям Парижского трактата (1856 г.) проливы Босфор и Дарданеллы были заперты для военных кораблей всех национальностей. Но в 70-х годах XIX в. русский Черноморский флот был восстановлен. Это давало политические преимущества для России которая, ввиду почти полного отсутствия боевых судов у Турции стала полным и единственным хозяином в Черном море. Признаваемый до сих пор всеми державами принцип недоступности проливов для иностранных военных флотов давал России с ее сильной эскадрой в Черном море* совершенно исключительное, преобладающее положение на всем Ближнем Востоке. Воссоздание русского военного флота во второй половине XIX в. и развитие в России нефтяной промышленности способствовали расширению русского торгового мореплавания.

Как отмечал в своем донесении генеральный консул в Яссах Н. Бруннер касательно вопроса о русском торговом мореплавании, торговый флот не порождал промышленность, а обслуживал ее, поэтому не промышленность зависела от флота, а флот от нее⁷.

Актуальным стал вопрос о поставках русской нефти за рубеж и способах ее транс-

портировки. Перспективным в этом направлении был европейский рынок, а Крит рассматривался в качестве промежуточного пункта морского торгового пути. Этому препятствовали постоянные военные конфликты с Османской империей.

Осуществление долгосрочной русской торговли через Босфор, несомненно, положительно сказалось бы и на отношениях Российской и Османской империй в целом. Однако попустительская политика османского правительства по отношению к народному недовольству среди христианского населения империи мешала русско-турецкому сотрудничеству и играла на руку англичанам, заинтересованным в разжигании политических и торгово-экономических конфликтов между двумя империями**.

Перманентная нестабильность на Крите, порождающая новые требования к османским властям по реформированию системы управления островом (в соответствии с положениями Берлинского конгресса 1878 г. и Халлепского договора 1878 г.), привела к изменению структуры административной власти.

В 1896–1897 гг. власть на острове представляло Национальное собрание, имеющее законодательные функции и состоящее из 80 членов, из которых 49 были христианами и 31 – мусульманами, избираемыми всеобщим голосованием.

Его постановления утверждались критским генерал-губернатором, в особых важных случаях – султаном.

Генерал-губернатор оставался главой исполнительной и административной власти на острове, в некоторых ситуациях ему принад-

* Лондонская конвенция 1871 г. отменяла условия Парижского мира, ограничивавшего суверенитет России на Черном море.

** По данным департамента внешней торговли Российской империи, в XIX в. во время русско-турецких конфликтов наблюдалось снижение товарооборота между Россией и Европой. В 1854 г. из-за блокады русских портов торговые отношения с европейскими государствами шли почти исключительно через сухопутную границу.

лежали и судебные функции, что в целом не устраивало критский народ, который уже по чувствовал слабость Османской империи.

Разочарование действующей властью, от которой они полностью зависели, неудовлетворенность социально-политическим, налоговым устройством на острове лишали критян стимула к развитию экономики. Определенная пассивность в развитии торгово-экономического сектора отмечалась в отчетах русских дипломатов, которые рассматривали природный потенциал Крита на предмет возможных финансовых вложений. Главным доходом и основой благосостояния острова являлись оливковые насаждения. Согласно консульским отчетам 1892 г., их насчитывалось 32 000 000, однако в связи с массовой вырубкой оливковых рощ из-за беспорядков число это со временем уменьшилось.

Принимая во внимание, что для полной доходности оливкового дерева необходимо 15–20 лет, а при тщательной прививке, мало практикуемой, 10–12, можно сделать вывод, что эта потенциально очень прибыльная отрасль находилась в плачевном состоянии.

Кроме того, бесконечные восстания сократили и численность населения, так что возделывать и обрабатывать землю было некому. Те же, кто остался, занимались не земледелием, а подготовкой к новым вооруженным столкновениям.

Обработка земли под злаковые культуры также находилась в самом первобытном состоянии и за целые столетия не продвинулась ни на шаг, а примитивные инструменты и орудия, применяемые при обработке земли, ставили земледелие на Крите на второй план, заставляя население острова ввозить зерно.

Культура выращивания винограда на острове также находилась на низком уровне. Учитывая необыкновенные природные свойства критской виноградной лозы (живучесть и со-

противление паразитам), виноделие могло бы стать прибыльной статьей доходов острова.

Анализируя причины неэффективности торгово-экономического сектора на Крите, дипломаты отмечали, что необходимо учитывать особенности критского менталитета, и, следуя правильно выбранной стратегии, умело мотивировать критян к более эффективному труду и развитию независимой торговли. В качестве условий предполагалась работа, уверенность в завтрашнем дне, законная охрана личности и собственности.

К 1898 г. при отсутствии организованной полиции и суда, недостаточно целесообразном расходовании средств и в особенности при постоянном брожении населения, в течение многих десятков лет бравшихся за оружие, прогнозы русских на развитие торговли с Критом оставались пессимистичными.

Таким образом, от экономических выгод, связанных с Критом, внимание переключилось на положительные стороны, связанные с его геополитическим положением.

В русских общественных и политических кругах XIX в. в разгар полемики о недостаточности русского торгового флота высказывалось желание довести коммерческий флот России до уровня торгового мореплавания островных и колониальных держав. Предположение само по себе являлось довольно спорным, учитывая, что географическое расположение России и отсутствие у нее отдаленных колоний определяло направление развития торговли преимущественно внутри империи, используя железнодорожные и речные пути.

Что же касается морской торговли, то в основном она осуществлялась через Балтийское море (в Европу), Черное и Азовское (в Турцию, Грецию) и Каспийское (в Персию).

При относительно ровных отношениях с Турцией*, подкрепленных со стороны России сильным Черноморским военно-морским флотом, в конце XIX в. у русского торгового мореплавания появился существенный стимул к развитию, а выход в Средиземное море открывал новые рынки для российской продукции. Крит по-прежнему фигурировал в торговых планах в качестве промежуточного пункта.

Как следует из донесения русского вице-консула в Катании П. Козачевича, опубликованного в 1899 г., в выгодах русской торговли планировалось установить сотрудничество с Африканской Триполитанией установлением контактов между русскими торговцами и местными триполитанскими купцами, а одним из средств для таких отношений служило включение в линию Русского общества пароходства захода в Триполи и организации торговли между Черным и Балтийским морями по примеру уже эксплуатируемой итальянцами линии Триполи – Бенгази – Канея (Судская бухта) с выходом из Генуи через Мальту⁸.

К вопросу о стратегическом усилении русской торговли на восточно-средиземноморских линиях относилось и донесение генерального консула России в Марселе (февраль

1898 г.) П. Карчевского, в котором ставился вопрос о необходимости возобновления регулярного сообщения между Одессой и Марселем, прекратившегося со времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁹

Поводом к возобновлению ранее эксплуатируемых пассажирских линий и открытию новых являлся значительный пассажиропоток между различными портами Средиземного моря, перевозимый, в основном, западными компаниями, а также то, что по возможному объему отпускной и ввозимой продукции порты Азовского и Черного морей значительно превосходили балтийские.

Кроме европейских рынков потенциально перспективный рынок сбыта русской нефти и нефтепродуктов находился и в Средиземноморском бассейне. В Западную Турцию уже шли поставки (разумеется, значительно меньшие по объему, чем в Персию**), теперь речь шла о развитии торговли с Ираком и Месопотамией. С условиями и требованиями торговли в Персии русские предприниматели уже были достаточно знакомы благодаря многолетней торговой практике и удачной конкуренции с западноевропейской торговлей в северных персидских провинциях, поэтому завоевание южноперсидских рынков не должно было представлять особых затруднений.

Для продвижения русских интересов в этом регионе Русским обществом пароходства и торговли было установлено регулярное сообщение

* Последним полномасштабным русско-турецким конфликтом в XIX в. стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

** По данным консульских отчетов, Россия являлась монополистом по поставкам росина в Персию. Только за период с 1890 по 1894 г. объем сбыта увеличился с 45 до 199 тыс. пудов.

из Одессы в Бассору* (Басру) и назначен туда свой агент.

Долгосрочные планы по развитию русской торговли предполагали заключение контракта с речной компанией «Оман-Оттоман» для успешной доставки русского груза в Багдад по рекам Тигр и Шатт-эль-Араб, что привело бы к увеличению количества грузов, перевозимых русскими пароходами из портов Средиземного и Красного морей, не говоря уж о том, что при регулярной отправки грузов из Багдада в Бассору и при существовании постоянных рейсов из Бассоры в Одессу можно было перевести на морской путь и другие грузы, идущие в Россию долгим и дорогостоящим караванным путем через Персию. Кроме того, это давало возможность русским предпринимателям монополизировать перевозку грузов из Константинополя и сирийских портов до Бассоры и обратно на том основании, что практикуемая русскими судами прямая доставка товаров (без перегрузки в Порт-Саиде) давала русскому пароходству громадное преимущество над всеми остальными линиями¹⁰.

Таким образом, Крит, географически располагаясь в ключевой точке пересечения торговых сообщений между Босфором, Суэцким каналом и Гибралтаром, рассматривался в качестве важного звена в формировании восточно-средиземноморских путей для развития русского торгового мореплавания, которое помимо очевидных задач, связанных с транспортировкой русской продукции на иностранные рынки, спо-

собствовало расширению русского влияния в Средиземноморье путем торговой дипломатии, актуальной и по сей день.

В 1898 г. стало очевидно, что попытки турок сохранить контроль над островом не увенчались успехом. В рамках миротворческой операции на Крите союзных держав (России, Англии, Франции, Италии, Австрии, Германии), поводом для которой стало очередное восстание и последовавшая расправа над христианским населением, вся судебно-административная власть (не считая критского правительства и Верховного комиссара, чья власть была, по сути, номинальной), перешла в руки Совета представителей иностранных держав в лице консулов.

Совет был создан для решения наиболее важных вопросов по сохранению политического строя на Крите (автономия в составе Османской империи), оказанию текущей финансовой помощи населению и созданию стабильной экономической базы для независимого самоуправления острова, обеспечению безопасности населения (особенно мусульманского) и контролю над критской жандармерией.

В компетенцию совета также входило решение спорных вопросов, связанных с миротворческим контингентом иностранных держав, чьи военные суда несли вахту у берегов Крита, обеспечивая безопасность вверенных им секторов (русским сектором являлся Ретимо).

По мнению английского консула на Крите Э. Ховарда (состоявшего в дружеских отношениях с русским консулом Н.Н. фон Эттером), остров являлся местом постоянной головной боли великих держав, которые вряд ли отда-

* Главный город одноименного вилайета в Азиатской Турции с морским портом в Персидском заливе.

вали себе полной отчет в том, какой тяжкий груз они взваливают, беря на себя ответственность за управление Критом¹¹. В частности, европейцы недооценили национальные особенности критян, формировавшиеся многие столетия и выраженные в отрицании любых форм правления на острове, если оно не осуществлялось самими греками (что и подтвердило критское восстание 1905 г. под предводительством Э.Венизелоса).

Как следует из донесений, русская миссия на Крите в XIX в. решала задачи, исходя из особенностей русско-турецких отношений в регионе и собственно политики Османской империи на острове. В отличие от других турецких провинций, преимущественно балканских, чьи проблемные стороны были вынесены в один общий раздел под названием «Балканский вопрос», Крит всегда стоял обособленно в докладах и отчетах как русских, так и иностранных дипломатов. В силу своего стратегически важного геополитического расположения в регионе Восточного Средиземноморья остров являлся местом,

где сходились интересы великих держав, связанные с обеспечением региональной безопасности из-за критских конфликтов, в разрешении которых Россия принимала непосредственное участие.

С закрытием русской консульской миссии на Крите после революции 1917 г. интерес к острову в российском внешнеполитическом ведомстве значительно ослаб.

Во-первых, Крит с момента присоединения к Греции (1913 г.) перестал выступать в роли дестабилизирующего фактора в регионе Средиземноморья.

Во-вторых, отношения России со своим восточным соседом – Турцией перешли на качественно новый уровень: от борьбы двух империй за влияние на Балканах и в Средиземноморье с постоянными военными конфликтами до Договора о дружбе и братстве между Советской Россией и кемалистской Турцией, подписанного 16 марта 1921 г.

В настоящее время перед Россией встал вопрос о возвращении в Средиземноморье в качестве влиятельного представителя мирового сообщества, гаранта стабильности в регионе.

Противоречия между странами региона в вопросах разграничения шельфа, перспективы разработки месторождений углеводородов в Восточном Средиземноморье, наличие баз НАТО и западных стран на Крите (Судская бухта), Кипре, в Турции, вопросы, связанные с присутствием ВМФ России в Средиземном море – вот лишь некоторые факторы, которые необходимо учитывать при формировании и проведении российского внешнеполитического курса в отношениях со странами региона. Одной из главных задач в этой связи является недопущение превращения Средиземного моря во внутреннее море НАТО, решению которой будет способствовать активизация сотрудничества России с региональными государствами и объединениями, в том числе в военно-политической и экономической сферах, в области энергетики, торговли, туризма и инвестиций. В частности, возобновление деятельности русского консульства на Крите, соответствуя основному вектору усиления российского присутствия в регионе, несомненно, способствовало бы достижению намеченных целей.

Примечания

- ¹ *Абегг Ю.* Заметка о Крите. Сб. консульских донесений. СПб. 1898. Вып. I. С. 344, 347, 430.
- ² *Леонтьев К.Н.* Хризо. Повесть из критской жизни. Из жизни христиан в Турции. Собр. соч. М.: Изд. В.М.Саблина, 1912. Т. 2.
- ³ *Леонтьев К.Н.* Сфакиот. Рассказ из критской жизни. Из жизни христиан в Турции. Собр. соч. М.: Изд. В.М.Саблина, 1912, Т. 3.
- ⁴ *Леонтьев К.Н.* Очерки Крита. Из жизни христиан в Турции. Собр. соч. М.: Изд. В.М.Саблина, 1912. Т. 2. С. 20.
- ⁵ *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии. Воспоминания (1831–1868 гг.). Собр. соч. М.: Изд. В.М.Саблина, 1912. Т. 9. С. 294, 264.
- ⁶ Донесение А.Е. Лаговского Н.П. Игнатьеву. 11 августа 1875 г. // Архив императорского русского консульства на Крите. 1860–1919 гг. Греция, г. Ханья.
- ⁷ *Бруннер Н.* К вопросу о нашем торговом мореплаваннии. Сб. консульских донесений. СПб., 1909. Вып. II. С. 97.
- ⁸ *Козакевич П.* К вопросу об установлении русских пароходных сообщений между портами Черного и Средиземного морей. Сб. консульских донесений. СПб., 1899. Вып. VI. С. 492.
- ⁹ *Карчевский П.* Вопрос о русских пароходных сообщениях между Одессой и Марселью. Сборник консульских донесений. СПб., 1898. Вып. I.
- ¹⁰ *Адамов А., Савинов А.* Русская торговля в Месопотамии. Сб. консульских донесений. СПб., 1903. Вып. VI. С. 506.
- ¹¹ *Howard E.* Theater of life 1905–1936. London, 1936. P. 17.

**Подписка на 2013–2014 гг.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год